

В. А. Квашнин

Lex Cincia de donis et muneribus 204 г. до н. э.

1. Источники

Полный текст закона Цинция (*lex Cincia de donis et muneribus*) не сохранился, известны 59 фрагментов, передающих, хотя и частично, его содержание¹. Кроме того, сохранились многочисленные, хотя и очень краткие упоминания о законе в трудах авторов Поздней Республики и практически всего периода Империи, от Цицерона до Арнобия. Классификация и источниковедческий анализ сохранившихся сведений о законе Цинция (далее — ЗЦ) являются достаточно непростой задачей для исследователя. Связано это в первую очередь с тем, что практически нигде ЗЦ не является самостоятельным объектом изучения со стороны древних авторов, и, как правило, упоминается в контексте достаточно далеких от него проблем и явлений. В этой связи Э. Балтруш предложил привлекающее своей простотой и достаточно удачное, на наш взгляд, разделение источников на юридические и неюридические. К первым он относит выдержки из трудов римских юристов Ульпиана, Павла, Помпония, Модестина и Яволена². Ко второй группе источников относятся сообщения Цицерона, Тацита, Плиния Младшего и Феста³. Следует отметить, что ЗЦ оставил довольно заметный след в истории римского права, о чем говорит хотя бы отдельная книга Юлия Павла, посвященная ЗЦ⁴. Будучи принят в конце III в. до н. э., он имел долгую жизнь, получив продолжение в правовых актах II и I вв. Как принято считать, закон Кальпурния 149 г. до н. э. (*lex Calpurnia de repetundis*) распространил на провинциалов положения ЗЦ [4, р. 15–17; 5, S. 68; 6, р. 113]. Его положения также легли в основу целой серии сенатконсультов I в., принятых в правление Тиберия, Клавдия и Нерона: *SC. Messalianum* 20 г., *SC. Claudianum* 47 г., *SC. de advocatibus* 55 г. В целом применение ЗЦ достаточно четко прослеживается вплоть до принципата Нерона. Однако его положения неоднократно воспроизводились в правовых актах и последующего времени: так, в 105 г. претор Лициний Непот издал эдикт, запрещающий оплату представительства в суде. Окончательно следы ЗЦ теряются в IV в. н. э. [7, р. 567; 8, S. 399. Anm. 46; 10, S. 28. Anm. 31].

¹ *Fragmenta Vaticana*, 260–316 [1, р. 82–99].

² *Ulp. Reg.* I. 1; *Paul. Sent.* V. 11. 6; *Dig.* 39. 5. 9. 1; 39. 5. 11; 39. 5. 21; 39. 5. 23; 39. 5. 24; 44. 4. 5. 2; 44. 4. 5. 5. Следует отметить, что в приведенных свидетельствах лишь Ульпиан прямо пишет о законе Цинция, в остальных случаях принадлежность фрагмента восстанавливалась исследователями, исходя из контекста, как правило, связанного с институтом дарения (*donatio*). Подробнее см.: [2, S. 7 ff; 3, р. 248–252].

³ *Cic. De leg.* III. 11; *Att.* I. 20. 7; *De orat.*, II. 71. 286; *Tac. Ann.* 11. 5. 6; 13. 42; 15. 20; *Plin. Min. Ep.* V. 9. 4; *Fest. P.* 127L (=P. 143M). См. также: *Liv.* XXXIV. 4. 9; *Suet. Nero.* 17; *Tac. Ann.* XIII. 5; *Arnob. Adv. gent.* 2. 91.

⁴ *D.* 1. 3.29 *Paul. lib. sing. ad legem Cinciam*.

2. Авторство и датировка ЗЦ

В отличие от большинства законов того времени закон Цинция достаточно уверенно датируется 204 г. до н. э., поскольку Цицерон прямо указывает, что он был принят в консульство Публия Семпрония Тудитана и Марка Корнелия Цетега¹. Внес закон на голосование плебейский трибун этого года Марк Цинций Алимент, что также принимается всеми исследователями [10, Sp. 2557; 11, p. 261–262; 12, p. 100–101; 13, p. 307; 14, S. 44; 15, S. 50; 5, S. 61; 16, p. 57, tabl. 1.19]². Как видно из сообщения Цицерона, законодательную инициативу Марка Цинция Алимента поддержал Квинт Фабий Максим, один из самых влиятельных политиков того времени, принцепс сената с 209 г. до н. э. По всей видимости, две эти фигуры как-то связаны, поскольку в том же году Марк Цинций Алимент участвовал в работе сенатской комиссии, расследовавшей преступления Кв. Племиния в Локрах (Liv. XXIX. 20. 4–11) [18, S. 101. Anm. 101; 5, S. 61; 6, p. 112]. В действительности, как дает понять Ливий, это расследование, начатое по инициативе Квинта Фабия Максима, было направлено в первую очередь против Публия Корнелия Сципиона, легатом которого был Квинт Племиний. С другой стороны, Й. Бляйкен обратил внимание на используемый Цицероном по отношению к Фабию термин *suasor*, обозначающий лицо, дающее советы, уговаривающее кого-либо или рекомендующее что-либо [14, S. 66]. В юридическом контексте он обычно применялся по отношению к человеку, который рекомендовал или защищал предложенный законопроект [19, s. 960, s. v. *suasor*; 20, p. 1771, s. v. *suasor*; 21, p. 1883, s. v. *suasor*]. Не совсем ясно, использует ли Цицерон этот термин применительно к Марку Цинцию Алименту, которому Квинт Фабий Максим рекомендовал внести подобный закон, или же самому Фабию пришлось выступить в его защиту, однако, в любом случае он говорит в пользу предположения Й. Бляйкена о том, что плебейский трибун действовал при поддержке влиятельного магистрата или сената. В этой связи достаточно правдоподобным выглядит неоднократно высказывавшееся в литературе мнение о том, что именно Фабий был одним из инициаторов принятия этого закона, а возможно и его соавтором [4, p. 21–22; 18, S. 101. Anm. 101; 15, S. 53; 5, S. 61; 6, p. 112].

В то же время, как представляется, следует обратить внимание на предположение А. Ботильери о том, что принятый ранее закон Публиция был принят по инициативе или при содействии цензоров 209 г. до н. э. Публия Семпрония Тудитана и Марка Корнелия Цетега [6, p. 111]. Вряд ли является простым совпадением, что закон Публиция был принят во время исполнения ими цензуры, а закон Цинция — консулата. По-видимому, Публий Семпроний Тудитан разделял, хотя бы отчасти, взгляды Квинта Фабия Максима, поскольку последний был вписан им принцепсом сената вместо Тита Манлия Торквата в нарушение сложившейся традиции, согласно которой список сената возглавлял старейший из сенаторов, первый по времени ставший цензором (Liv. XXVII. 11. 9–11). Марк Корнелий Цетег, согласно А. Ботильери, представлял враждебную Фабию часть нобилитета. Однако единственным аргументом в пользу этой точки зрения является то, что Цетег не желал идти на нарушение традиции при формировании списка сената, возражая против замены Тита Манлия Торквата Квинтом Фабием Максимом. Кроме того, в 213 г. до н. э. Марк Корнелий Цетег, будучи

¹ Cic. De sen. 10: ...quem magistratum gessi consulibus Tuditano et Cethego, cum quidem ille admodum senex suasor legis Cinciae de donis et muneribus fuit (...затем, через четыре года, я был избран в квесторы и исполнял эту магистратуру в год консулата Тудитана и Цетега — тогда, когда он, уже очень старый, поддерживал Цинциев закон о подарках и вознаграждениях).

² Б. Кюблер, видимо, по ошибке, приписывает *lex Cincia* Луцию Цинцию Алименту [17, Sp. 902]. По всей видимости, он спутал плебейского трибуна 204 г. Марка Цинция Алимента с его братом, претором 210 г. Луцием Цинцием Алиментом, известным историком [10, sp. 2556–2557].

курульным эдилом, вместе с Публием Корнелием Сципионом устроил раздачу оливкового масла во время празднования Римских игр (Liv. XXV. 2. 6–8). Тем не менее, похоже, что куда ближе ему был Публий Семпроний Тудитан, в паре с которым Цетег получает высшие магистратуры, чем Сципион, с которым их объединяла только принадлежность к одной gens. Во время цензуры 209 г. до н. э. Цетег и Тудитан проводят достаточно суровую чистку сената, исключив из его состава восемь сенаторов и нескольких всадников (Liv. XXVII. 11. 12–13)¹. В 204 г. до н. э. они принимают делегацию из Локр с жалобой на Племиния и дают ход делу, перенеся его слушание в сенат. Они же формировали сенатскую комиссию, прикрепив к ней по своему выбору двух плебейских трибунов — Марка Цинция Алимента и Марка Клавдия Марцелла Младшего (Liv. XXIX. 16. 6–7; 20. 4, 11). Поэтому, как представляется, парадокс, отмеченный А. Ботильери, согласно которому законы Публия и Цинция, родственные по содержанию, были приняты при поддержке соперничающих политических группировок, носит надуманный характер [6, р. 114]. В действительности, существовал определенный круг лиц, принадлежавших к сенатской знати (Квинт Фабий Максим, Публий Семпроний Тудитан и Марк Корнелий Цетег), по инициативе и при содействии которого плебейские трибуны Гай Публиций Бибул и Марк Цинций Алимент внесли свои законопроекты. В этой связи показательно отсутствие в источниках сведений не только о сопротивлении сената или какой-то его части принятию ЗЦ, но и о любых проявлениях недовольства законом [5, S. 69, ср.: 18, S. 102].

3. Содержание и цели ЗЦ

Сохранившиеся фрагменты ЗЦ позволяют выделить несколько основных положений закона. Большая часть исследователей исходит из того, что ЗЦ содержал два запрета: 1) на подарки определенного размера в пределах четко обозначенного круга лиц, и, 2) подарки от клиентов за юридические услуги [23, S. 585f; 24, S. 153 f; 11, р. 262; 9, S. 20, 38; 5, S. 61–64; 25, с. 184]. И. Заурвайн конкретизирует этот вывод, выделив три основных положения закона: 1) запрет патронам принимать подарки от клиентов в качестве вознаграждения за представительство на суде; 2) запрет на подарки свыше установленной суммы, размер которой сохранившиеся фрагменты установить не позволяют; 3) перечень лиц, на которых эти запреты не распространялись (*personae exceptae*) [15, S. 50]. По большей части предложенные исследователями реконструкции ЗЦ не противоречат друг другу и в этом отношении, вероятно, прав Ф. Казавола, настаивающий на том, что по своей сути содержание ЗЦ сводится к предотвращению запрета вымогательства подарков со стороны знати [4, р. 24f., ср.: 14, S. 66; 18, S. 101].

¹ Для сравнения, в 199 г. до н. э. при цензорах Публии Корнелии Сципионе и Публии Элии Пете сенат был переизбран без замечаний, в 194 г. до н. э. при цензорах Гае Корнелии Цетеге и Сексте Элии Пете из его состава было удалено три некурульных сенатора, а в 189 г. до н. э. — четыре некурульных сенатора (Liv. XXXII. 7. 3; XXXIV. 44. 4; Plut. Flam. 18). Само по себе число исключенных не так уж велико: 3–4 сенатора регулярно исключались во время *lectiones* цензур 199, 194, 189 и 179 гг. до н. э. Во время цензуры 252 г. до н. э. было исключено 16 сенаторов, в 209 и 204 гг. до н. э. (о чистках сената в период между 252 и 209 гг. до н. э. мы не имеем сведений) были исключены 8 и, соответственно, 7 сенаторов, в 174 г. до н. э. было исключено 9 человек, и в 169 г. до н. э. еще 7 сенаторов. Вместе с тем, по мнению П. Фраккаро, общее число исключенных не имело большого значения, поскольку выведение из состава курии даже десятка сенаторов не могло изменить облик сената, включавшего несколько сотен человек. Исключение сенаторов могло произвести впечатление только в том случае, если оно затрагивало известных лиц, стоявших в начале сенатского списка [22, р. 483].

Как отмечает Э. Балтруш, практически все неюридические источники, упоминающие о ЗЦ, сообщают о запрете на подарки от клиентов за представительство их интересов в суде. По его мнению, это недвусмысленно указывает на основную содержательную часть закона [5, S. 64, ср.: 26, p. 9; 27, p. 159 f.]. В качестве доказательства он также ссылается на упоминание ЗЦ в речи Катона по поводу отмены закона Оппия¹. Присутствующее в кратком сообщении Ливия противопоставление «сенат — плебс», по его мнению, указывает на то, что высший слой римской общины монополизировал правовую сферу, что позволяло извлекать дополнительную прибыль из клиентов, нуждающихся в судебной защите [5, S. 64, ср.: 28, p. 285]. Однако далеко не все исследователи склонны подобным образом интерпретировать сообщение Ливия [2, S. 2; 24, S. 144. Anm. 9]. Слова Катона, посвященные ЗЦ, необходимо воспринимать прежде всего в контексте его речи, посвященной проблеме роскоши в жизни римской общины². Если понимать их буквально, то причиной принятия ЗЦ следует считать какие-то фискальные проблемы, что и делает А. Ботильери, по мнению которой закон наряду с падением нравов был вызван тем, что плебс был обременен налогами и податями [6, p. 112]. Между тем упоминание о ЗЦ вводится Ливием для обоснования его идеи о том, что законы о роскоши в Риме были призваны не предотвращать, а бороться с уже существующим социальным злом: подобно тому как закон Лициния-Секстия о земельном максимуме в 500 югеров земли был порожден алчностью собственников, желавших расширить свои владения, закон Цинция был вызван стремлением представителей высших сословий нажиться на плебейях, которые и без того несли на себе груз войны, платя многочисленные налоги и сборы³.

И. Зауэрвайн также полагает, что запрет на подарки от клиентов в качестве вознаграждения за помощь в суде составлял основное содержание ЗЦ. Смысл закона в ее понимании заключался в том, что помощь патрона в судебном процессе не должна была оплачиваться подарками клиентов. В поисках дополнительных аргументов исследовательница обращается к материалу комедии Тита Макция Плавта

¹ Liv. XXXIV. 4. 9: quid legem Cinciam de donis et muneribus nisi quia vectigalis iam et stipendiaria plebs esse senatui coeperat? (Отчего принят был Цинциев закон о подарках и вознаграждениях? Оттого, что плебеи уже и так платили сенату налоги и подати).

² Отдельной проблемой является аутентичность речи Катона в части, посвященной ЗЦ. Ф. Казавола считает слова Катона в целом подлинными. Он исходит из того, что Ливий не упоминает о ЗЦ при описании событий 204 г. до н. э., не только не придавая ему особого значения, но видимо и не имея информации о нем. Таким образом, по его мнению, пассаж 34. 4. 9 является фрагментом оригинальной речи Катона [4, p. 21 f., ср.: 28, p. 286 f.]. Как представляется, в данном случае ближе к истине Э. Балтруш, обративший внимание на специфику литературных приемов Ливия, не требовавших обязательного использования прямых цитат из оригиналов речей его персонажей [5, S. 64. Anm. 176, ср.: 18, S. 102].

³ Liv. XXXIV. 4. 7–9: Eadem fuit quae maioribus nostris nihil de hac re lege sancundi: nulla erat luxuria quae coerceretur. Sicut ante morbos necesse est cognitos esse quam remedia eorum, sic cupiditates prius natae sunt quam leges quae iis modum facerent. Quid legem Cinciam de donis et muneribus nisi quia vectigalis iam et stipendiaria plebs esse senatui coeperat? (По той же причине, по какой наши предки не принимали никаких законов против роскоши: коли нет роскоши, нечего и пресекать. Прежде чем искать лекарство, надо узнать, какова болезнь; так же и со страстями — когда они родились, лишь тогда начинают принимать законы, призванные их обуздать. Что вызвало к жизни Лициниев закон о пятистах югерах? Жадность владельцев, которые только и мечтали расширить свои поля. Отчего принят был Цинциев закон о подарках и вознаграждениях? Оттого, что плебеи уже и так платили сенату налоги и подати).

«Менехмы»¹. Хотя, как известно, римский комедиограф для своих произведений адаптировал греческие образцы, исследовательница не сомневается в том, что в пьесе нашли свое отражение те условия римской жизни, которые привели к принятию ЗЦ [15, S. 52–53]. Несмотря на то, что греческие оригиналы пьес Плавта практически не сохранились, предположение И. Заурвайн выглядит достаточно правдоподобно. В тексте комедии используется юридическая лексика, которая вряд ли могла быть заимствована у греческих авторов. Плавт использует не только такие латинские слова как *clientes* и *patronos*, но и достаточно специфические термины *litium* (от *lis, litis* — процесс, судебное дело, тяжба), *faenore* (от *fenus* — деньги под проценты, ростовщичество), *periuriis* (от *perjurium* — нарушение клятвы, лжесвидетельство). Обращает также на себя внимание упоминание Плавтом знатных (*optumi*) и влиятельных (*maxime*) патронов, ради прибыли стремящихся обзавестись богатыми клиентами, нуждающимися в судебной помощи, что подтверждает выводы современных исследователей.

В этой связи возникает закономерный вопрос: почему именно знать играла столь важную роль в судебном процессе? Как полагает И. Заурвайн, частные юристы, ставшие неотъемлемым атрибутом современной жизни, не имели в общественной жизни Средней Республики большого влияния, ограничивая свою деятельность юридическими комментариями и толкованием сомнительных мест и коллизий в правовых источниках. Плебеи, латинские граждане и перегрины, получившие доступ к римскому хозяйственному обороту были вынуждены искать для представительства своих интересов в суде влиятельных лиц из числа высших сословий. Как показывает исследование Ж.-М. Давида, судебная защита была почетной обязанностью патрона той группы, к которой принадлежало привлекаемое к суду лицо [30, р. 400 f; 31, с. 58–76]. Сам судебный процесс, как правило, представлял собой столкновение нескольких патронатно-клиентельных групп, где проверку проходило не только знание законов и умение убеждать слушателей, но и гражданский авторитет лиц, представлявших интересы той или иной группы [31, р. 404, 424–425]. В этой связи интерес представляет сообщение Плутарха о деятельности Катона Старшего в качестве судебного оратора (*Plut. Cat. Mai.* 1, 5). Он особо подчеркивает, что Катон вел дела бесплатно, «ни разу не замавав рук платой за выступления по искам и тяжбам». Поскольку речь явно идет не о том, что Катон действовал в качестве наемного адвоката, чьи услуги оплачивались заинтересованной в благоприятном исходе дела стороной, справедливым выглядит мнение тех исследователей, которые находят здесь указание на деятельность патрона, осуществляющего судебную защиту своих клиентов [32, S. 36–37]. В то же время подобное объяснение особой роли знатных патронов в судебном процессе не является исчерпывающим. Говоря о законах, принятых в Риме начиная с 218 г. до н. э., необходимо принять во внимание особые обстоятельства, вызванные войной

¹ *Plaut. Menaech.* 571–585: *Ut hoc utimur maxime more moro/molestoque multum, atque uti quique sunt/optumi, maxime morem habent hunc:/clientes sibi omnes volunt esse multos:/bonine an mali sint, id haud ueritant;/res magis quaeritur quam clientum fides cuius modi clueat. /si est pauper atque haud malus, nequam habetur,/sin dives malust, is cliens frugi habetur. /qui neque leges neque aequom bonum usquam colunt, /sollicitos patronos habent,/datum denegant quod datum est, litium pleni, rapaces /viri, fraudulententi, /qui aut faenore aut periuriis habent rem paratam, mens est in quo (Преглупый обычай — и очень досадный —/Завелся у нас: кто чуть-чуть познатнее / Чуть кто повиднее, имеет обычай / Клиентов себе заводить, и побольше, / Не спросит сперва, кто хорош и кто плох. / Да выгоды ищут скорее, чем честности в этих клиентах. / Будь богат, хоть и подл, тот клиент им хорош, / Кто не чит ни добро, ни закон никогда. / В заботу вгоняет патрона, / Что взял отрицает, не брал он./ К тяжбам склонны, хищны эти/Коварные люди,/Обман и ростовщичество- / Нажива для них, вечно в ябедах ум их (пер. А. Артюшкова).*

с Карфагеном. Э. Балтруш в этой связи справедливо указывает на то, что многие клиенты нуждались во влиятельных патронах по причине долгой войны и связанного с этим их длительного отсутствия в Риме, что значительно повышало роль представительства их интересов на суде [5, S. 66].

Отдельную проблему представляет собой максимальный размер подарка, дозволенный ЗЦ. Большинство исследователей либо упоминают о полном отсутствии сведений о его размерах либо вообще высказывают сомнения в его существовании [11, p. 262; 33, с. 336; 25, с. 184]. Попытку установить его предпринял И. Шацман, который на основе сообщения Тацита высказал предположение, что сумма в 400 тысяч сестерциев была верхней границей, до которой можно было брать вознаграждение за помощь на суде [34, P. 70f]. Действительно, в «Анналах» Тацит упоминает о том, что в правление Клавдия были восстановлены утраченные юридическую силу положения ЗЦ. Судя по тому, что данное сообщение находится в XI книге «Анналов», это событие можно датировать 47 г., когда был издан SC. Claudianum. Причиной восстановления положений ЗЦ согласно Тациту послужила деятельность Публия Суиллия Руфа, известного своим доношением (в источниках того времени подобные лица обозначаются как *delator*). Как сообщает римский историк, Суиллий выдвинул обвинения против некоего Самия, который, попытавшись откупиться от доносчика, заплатив ему 400 тысяч сестерциев за то, чтобы в суде он представлял его интересы. Так и не получив помощи от Суиллия, Самий покончил с собой в его доме, что и вызвало гнев сенаторов, восстановивших в силе ЗЦ¹. Если следовать логике рассуждений И. Шацмана, то восстановление ЗЦ должно было быть вызвано превышением допустимого размера вознаграждения, выплаченного судебному оратору. Однако в действительности Тацит пишет о другом: злоупотребления судебных ораторов (в частности, огромные взятки, которые они вымогали за свои услуги) вызвали принятие закона, который вообще запрещал принимать деньги за подготовку и произнесение в суде защитной речи. Кроме того, сообщение Тацита ясно показывает, что ЗЦ с самого начала воспрещал любое вознаграждение за помощь в ведении судебного процесса.

С другой стороны, неправильным было бы проецировать сообщение Тацита на эпоху Средней Республики. Размер взятки, вполне естественный для римского общества эпохи Раннего Принципата, выглядит фантастическим для конца III в. до н. э., поскольку размер максимально допустимого вознаграждения в этом случае должен был составлять в 204 г. от 1 млн до 1 млн 600 тыс. ассов. Возможность привлечь сравнительный материал дает описание цензуры 184 г. до н. э., когда был введен налог

¹ Tac. Ann. XI. 5: *Continuus inde et saevus accusandis reis Suillius multique audaciae eius aemuli; nam cuncta legum et magistratum munia in se trahens princeps materiam praedandi patefecerat. nec quicquam publicae mercis tam venale fuit quam advocatorum perfidia, adeo ut Samius, insignis eques Romanus, quadringentis nummorum milibus Suillio datis et cognita praevaricatione ferro in domo eius incubuerit. igitur incipiente C. Silio consule designato, cuius de potentia et exitio in tempore memorabo, consurgunt patres legemque Cinciam flagitant, qua cavetur antiquitus ne quis ob causam orandam pecuniam donumve accipiat* (С этой поры Суиллий становится постоянным и злобным обвинителем подсудимых, и у него появились многочисленные последователи, соперничавшие с ним в наглости. Присвоив себе все права и обязанности законов и магистратов, принцепс тем самым открыл неограниченные возможности для любых злоупотреблений. Но ничто из доступного подкупу не было столь продажным, как бессовестность судебных ораторов. Так, влиятельный римский всадник Самий, узнав о двурушничестве Суиллия, которому он дал четыреста тысяч сестерциев, покончил с собой, бросившись на меч у того в доме. И вот, по почину избранного на следующий срок консулом Гая Силия, о могуществе и конце которого я расскажу в своем месте, сенаторы встают и в один голос требуют восстановления в силе закона Цинция, со стародавних времен воспрещавшего принимать деньги или подарок за произнесение в суде защитительной речи).

на предметы роскоши, к которым были отнесены женские украшения, одежда, повозки, домашняя утварь и молодые рабы, на основе десятикратной оценки их реальной стоимости (Plut. Cat. Mai. 18; Liv. XXIX. 44. 2–3). Верхней границей стоимости вещей, при превышении которой начинал действовать новый налог, было 15 тыс. ассов для предметов женской роскоши и 12 тыс. ассов для молодых рабов. Для того чтобы хотя бы приблизительно представить себе масштаб цен той эпохи, воспользуемся немногочисленными указаниями источников. Так, известно, что сам Катон не покупал одежду дороже 1 тыс. ассов, хотя женская одежда могла стоить 4 тыс. ассов (Plaut. Menaech. 205; Plut. Cat. Mai. 4). Цена рабочего раба в хозяйстве Катона не превышала 15 тыс. ассов. Что касается дорогих рабов, не предназначенных для использования в сфере материального производства, то их цена доходила до 60 тыс. ассов [32, S. 77]. Таким образом, нет оснований считать сумму в 400 тыс. ассов размером максимально допустимого вознаграждения в период Средней Республики. Куда более правдоподобным выглядит предположение Ф.-К. фон Савиньи, определившего его в 20 тыс. сестерциев [35, S. 165 f]. Однако, как представляется, ближе к истине А. Асколи, отметивший, что верхняя граница должна была быть намного ниже (К. А. Д. Унтерхольцнер занижает ее до 1 тыс. ассов), хотя источники не позволяют точно установить ее [36, p. 173 f].

Серьезные затруднения у исследователей вызывает и раздел ЗЦ, освобождающий от налагаемых им ограничений некоторые категории лиц. Как полагает И. Заурвайн, фрагментарность материала не позволяет точно разделить категории *personae* по *excerptae* и *persona excerptae* [15, S. 50]. Тем не менее, сохранившиеся восемь фрагментов ЗЦ позволяют хотя бы примерно реконструировать круг лиц, на которых не распространялись ограничения, вводимые законом [11, p. 262; 37, p. 145–153]:

- 1) когнаты до 5-й степени родства включительно (fr. Vat. 298);
- 2) от 6-й степени родства *sobrinus* и *sobrina*, троюродные родственники дарителя (fr. 299)¹;
- 3) лица, связанные отношениями господства-подчинения, возникшими на основе *potestas*, *manus* или *mancipium* (fr. 300);
- 4) свойственники (*adfinium personae*): пасынок и падчерица (*privignus* — *privigna*), мачеха и отчим (*noverca* — *vitricus*), зять и невестка (*socer* — *socrus*), родители супругов (*gener* — *nurus*), муж и жена (*vir et uxor*), помолвленные — лица, связанные *sponsalia* (*sponsus* — *sponsa*) (fr. 302);
- 5) попечитель и лица, находящиеся под попечением (fr. 304)²;
- 6) патрон и его вольноотпущенники (fr. 307–309)³.

¹ Хотя слово *sobrinus* (а) часто переводится как «двоюродный брат (сестра)», как это например, делает Ф. М. Дыдынский, он может выступать как термин, обозначающий всех неродных братьев-сестер [29, с. 502, s.v. *sobrinus*]. Так, Гай в 8-й книге «Комментариев к провинциальному эдикту» (D. 38. 10. 3), перечисляя лиц, относящихся к 6-й степени родства, отмечает, что «те, кто происходят от двоюродных братьев по отцовской или по материнской линии... обозначаются как троюродные (*sobrini*)». В связи с этим оправданной выглядит позиция М. Бартошека, который переводит *sobrini* как троюродные и более отдаленные по степени родства братья и сестры [25, с. 299, s.v. *sobrini*].

² Буквально следуя тексту фрагмента, отношения попечителя и его подопечных явно уподобляются отношениям родителей и детей (*quasi parentes* — *pupillorum*). Почти дословное воспроизведение в фрагменте используемой римскими юристами конструкции «*tutelas pupillorum gege*» показывает, что речь идет о лицах, еще не вышедших из-под опеки [29, с. 452, s.v. *pupillus*. с. 452; 25, с. 266, s.v. *pupillus*].

³ Строго говоря, вольноотпущенники также являлись клиентами своего бывшего господина. В этой связи логично было бы предположить, что запрет, вводимый ЗЦ, действовал только в отношении клиентов из числа свободных граждан (*ingenui*), союзников (*socii*) и, позднее, перегринов (*peregrini*).

Как можно заметить, в круг *personaе ехертае* входят лица, связанные родственными или квази-родственными отношениями. Условной точкой, в которой они пересекаются и концентрируются, является римская *familia*, что конечно не может быть случайным. Принято считать, что ЗЦ запрещал дарения, превышающие определенный размер, посторонним лицам, для того, чтобы оградить имущество фамилии от покушения на него тех, кто сумел получить у наследодателя обещание передать им часть имущества после своей смерти в порядке завещательного отказа — легата. Именно на этот момент указывают исследователи, проводя параллели между ЗЦ и *legis Furia*, *Voconia* и *Falcidia*, основной целью которых было не дать будущему завещателю оставить наследников без их доли [14, S. 44]. Вместе с тем, Ф. Казавола в точном определении категории *personaе ехертае* видит попытку решения все той же задачи — предотвращении вымогательства подарков знатью путем принуждения клиентов к завещательным отказам [4, p. 24]. Как представляется, мнение итальянского исследователя небезосновательно, поскольку оно позволяет понять смысл размещения данного раздела в структуре текста ЗЦ.

Как и в случае с законом Публиция, исследователи колеблются в части точного определения «видовой» принадлежности ЗЦ, хотя значительная их часть, хотя и с оговорками, признает его близость законам о роскоши [38, S. 47; 8, S. 503; 40, p. 165]. Исследователи неоднократно отмечали связь двух законов [15, S. 53; 6, p. 111]. По мнению И. Заурвайн, в прямой связи с *leges sumptuariae* находится только первая часть ЗЦ, которая расширяет положения закона Публиция, вводя запрет на крупные подарки не только в Сатурналии, но и на все остальное время. Этот запрет, по ее мнению, позволял уменьшить нерациональные траты в римской общине, особенно неуместные в период тяжелой войны, что позволяет отнести его к законам о роскоши. При этом исследовательница оговаривается, что по своей правовой природе ЗЦ ближе к группе законов, регулировавших вопросы наследственного права, что объединяет его с более поздними *lex Furia* (183 г.) и *lex Voconia* (169 г.) [15, S. 50, 53–54, Anm. 3]. На той же позиции стоит Э. Балтруш, по мнению которого ЗЦ близок *leges sumptuariae*, поскольку он ограничивал нерациональную трату имущества, хотя его и нельзя считать настоящим законом о роскоши [5, S. 66]. Тем не менее, он пишет о законах Цинция и Публиция как особой части римского законодательства о роскоши, отмечая их содержательную и хронологическую близость [5, S. 61, ср.: 6, p. 111].

Как указывает Э. Балтруш, источники не относят ЗЦ к законам о роскоши [5, S. 67, Anm. 188]. Однако это не совсем так. Показательно уже упоминание ЗЦ Ливием в контексте катоновской речи, посвященной отмене закона Оппия. Тацит отмечал связь роскоши нобилей и культивирование ими клиенты (Ann. III. 55. 2–3) [41, p. 632]. Следует отметить, что, по мнению Ф. Казаволы, ЗЦ запрещал не подарки как таковые, а вымогательство даров в ситуации социального неравенства дарителя и одариваемого [4, p. 25]. Э. Балтруш также указывает на то, что ЗЦ не делал незаконным уже сделанный подарок, как и не предполагал каких-либо санкций за его нарушение, поскольку он относился к категории *lex imperfecta* [11, p. 262; 14, S. 44; 15, S. 50; 34, p. 72; 5, S. 66; 6, p. 113; 33, с. 336]. Таким образом, по мысли исследователя, в законе речь идет о подарках, заранее обговоренных, и по большей части вынужденных [5, S. 66–67]. Подобный подход нашел свое выражение и в отечественной литературе. Как отмечает Г. С. Кнабе, ЗЦ воспрещал конкретные виды и формы дарения, что указывает на злоупотребления, которые вызвали закон к жизни, и, следовательно, составляли распространенную практику [42, с. 69]. Ее порожидала возникавшая в среде знати привычка к роскоши, требовавшая значительных средств, но не покрывавшаяся доходами, получаемыми с сельскохозяйственных угодий. Одним из способов получения дополнительных доходов и стало вымогательство дорогих подношений у клиентов [43, с. 58]. Как полагает И. Заурвайн, основываясь на сообщении Полибия (XXXI. 26. 9), привычка дарить богатые подарки была

чужда римлянам, поэтому дары использовались только для оплаты юридических услуг. Это вело к тому, что клиенты попадали во все большую зависимость от своих патронов, что усугубляло раскол в римском обществе. Хотя ЗЦ объективно был направлен против интересов римской аристократии, его поддержала столь влиятельная фигура как Квинт Фабий Максим, что позволило И. Заурвайн вновь, как в случае с законом Оппия, отметить парадоксальность ситуации, когда законы, накладывающие ограничения на сенаторов, принимались при поддержке самих сенаторов [15, S. 53]. В этой связи в литературе звучало мнение о том, что принятие ЗЦ стало адекватным ответом на вполне реальную угрозу — изменение самих принципов римской клиентелы, лежавшей в основе римского общественного устройства, важнейшую роль в котором играл принцип *fides*. Хотя долг клиента содействовать патрону существовал всегда, по мнению Э. Балтруша, долгое время он не был материально выражен в виде обязательных денежных или натуральных подношений. Разрушение сложившихся принципов взаимоотношений между патронами и клиентами имело своим следствием разорение последних, поскольку они должны были предоставлять все большие подарки для своих покровителей, подобным образом добывавших средства, необходимые для поддержания социального престижа. В этой ситуации, осложненной непрекращающейся войной с Ганнибалом, законы Публиция и Цинция были мерой, направленной на восстановление традиционной модели отношений между патроном или клиентами. В первую очередь ЗЦ был направлен против наиболее одиозных проявлений нового социального зла — практики вымогательства подарков представителями господствующего класса [5, S. 65–67]. Частично выводы немецкого исследователя поддерживает А. Ботильери, по мнению которой ЗЦ и ЗП демонстрируют признаки борьбы правящего класса с глубоким кризисом ценностей в римском обществе [6, p. 114].

Таким образом, анализ содержания законов Публиция и Цинция позволяет выделить две важные проблемы. Первая была связана с необходимостью поддержания социальной стабильности в римской общине, что в условиях Ганнибаловой войны являлось первоочередной задачей. С этой точки зрения указанные законы были средствами поддержания внутриобщинной солидарности путем если не устранения, то минимизации, как можно предположить, наиболее одиозных явлений того времени. С другой стороны, такие, казалось бы, разные законы, как *legis Metilia*, *Oppia*, *Publicia* и *Cincia* были направлены на решение другой, не менее важной проблемы — хронического состояния острого финансового кризиса, вызванного войной с Карфагеном [16, p. 26]. Рассмотренные под таким углом, они являются не чем иным как вновь и вновь повторяющейся попыткой защитить финансовую (а если брать шире — экономическую) стабильность римской общины на уровне фамилии [43, с. 51–52; 16, P. 26–29]. Таким образом, важнейшей задачей этих законов было экономическое укрепление фамилий и недопущение непроизводительных трат их членами, поскольку именно от «запаса прочности» римских фамилий в конечном итоге зависела возможность выстоять в жестокой схватке с Ганнибалом.

Ключевые слова: История древнего Рима, римское право, Ганнибалова война, античная традиция, роскошь.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Mommsen Th.* Collectio librorum iuris anteiustiniani. — Bd. III. — Berlin, 1890.
2. *Rambach A.* Inhalt der Lex Cincia. Diss. — Leipzig, 1908.
3. *Kaden E. H.* Lex Cincia // *Labeo*. — 1963. — 9.
4. *Casalova F.* Lex Cincia: Contributo alla storia delle origini della donazione romana. — Napoli, 1960.

5. *Baltrusch E.* Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. — München, 1989.
6. *Bottiglieri A.* La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana. — Napoli, 2002.
7. *Schulz F.* Classical Roman Law. — Oxford, 1951.
8. *Kaser M.* Das Römisches Privatrecht. — Bd. II. — München, 1959.
9. *Kaser M.* Über Verbotsgesetze und verbotswidrige Geschäfte im römischen Recht. — Wien, 1977.
10. *Münzer F.* Cincius // RE. — 1899. — Bd. 3. — № 6. — Sp. 2555–2557.
11. *Rotondi G.* Leges publicae populi Romani. — Milano, 1912.
12. *Niccolini G.* I fasti dei tribuni della plebe. — Milano, 1934.
13. *Broughton T. R. S., Patterson M. L.* The Magistrates of the Roman Republic. — Vol. I. — N. Y., 1950.
14. *Bleicken J.* Das Volkstribunat der Klassischen Republik: Studien zu seiner Entwicklung zwischen 287 und 138 v. Chr. — München, 1955.
15. *Sauerwein I.* Die leges sumptuarie als römische Maßnahme gegen den Sittenverfall. — Hamburg, 1970.
16. *Williamson C.* The Laws of the Roman People: Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. — Ann Arbor, 2005.
17. *Kübler B.* Sumptus // RE. — 1931. — Bd. 16. — Sp. 901–908.
18. *Lippold A.* Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulates von 264 bis 201 v. Chr. — Bonn, 1963.
19. *Дворецкий И. X.* Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. — М., 1976.
20. *A Latin Dictionary /* Founded on Andrew's edition of Freund's Latin Dictionary rev., enlag. and rewritt. by Ch. T. Lewis and Ch. Short. — Oxford, 1958.
21. *Oxford Latin Dictionary.* — Oxford, 1968.
22. *Fraccaro P.* Opuscula. T. I. — Pavia, 1956.
23. *Karlowa O.* Римские Rechtsgeschichte. — Т. II. — Leipzig, 1893.
24. *Mitteis L.* Römisches Privatrecht bis auf die Zeit Diocletians. — Т. I. — Leipzig, 1908.
25. *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. Пер. с чешск. — М., 1989.
26. *Visinia R. F.* State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241–167 B. C. — L., 1996.
27. *Masi Doria C.* L'impatto dell' espansionismo: costituzione e societa nell'eta medio-repubblicana // Index. — 2001. — № 29.
28. *Cássola F.* I gruppi politici romani nel III secolo a. C. — Trieste, 1962.
29. *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь к источникам римского права (По изданию 1896 г.). — М., 1997.
30. *David J.-M.* Le patronat judiciaire au dernier siècle de la République romaine. — Roma, 1992.
31. *Кнабе Г. С.* Судебный патронат в Риме и некоторые вопросы методологии (По поводу книги Ж.-М. Давида «Судебный патронат в Риме в последнее столетие республики») // ВДИ. — 1994. — № 3.
32. *Kienast D.* Cato der Zensor. Seine Persönlichkeit und seine Zeit. 3. Aufl. — Darmstadt, 1979.
33. *Покровский И. А.* История римского права. Изд. 4-е. — Петроград, 1918.
34. *Sbatzman I.* Senatorial Wealth and Roman Politics. — Brussels, 1975.
35. *Savigny F.-K.* System des heutigen römischen Rechts. — Т. IV. — Berlin, 1841.
36. *Ascoli A.* Sulla legge Cincia // BIDR. — 1893. — 6.
37. *Stein P.* Lex Cincia // Athenaeum. — 1985. — 73.
38. *Wieacker F.* Hausgenossenschaft und Erbeinsetzung. Über die Anfänge des römischen Testaments / Festschr. für H. Silber. — Leipzig, 1940.

40. *Watson A.* The Law of Succession in the Later Roman Republic. — Oxford, 1971.
41. *Lintott A.* Imperial Expansion and Moral Decline in the Roman Republic // *Historia*. — 1972. — Bd. 21.
42. *Кнабе Г. С.* Метафизика тесноты: Римская империя и проблема отчуждения // *ВДИ*. — 1997. — № 3.
43. *Ляпустин Б. С.* Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // *Из истории античного общества*. — Н.-Новгород, 1991.

Резюме

Квашнин В. А. *Lex Cincia de donis et muneribus 204 p. до н. е.*

Стаття присвячена закону часів війни з Ганнібалом, а саме *Lex Cincia de donis et muneribus 204 p. до н. е.* У статті розміщено короткий огляд історіографії. У дослідженні аналізуються різноманітні аспекти змісту закону. Особлива увага приділяється цілям автора закону. Також розглядаються проблеми авторства та часу прийняття закону. Головна увага приділяється історичному контексту закону.

Ключові слова: історія Стародавнього Риму, римський закон, війна з Ганнібалом, антична традиція, розкіш.

Summary

V. Kвашnin. *Lex Cincia de donis et muneribus 204 B. C.*

The article is devoted the law of the Hannibalic War time, namely *lex Cincia de donis et muneribus 204 B. C.* The article contains the short review of historiography. Its devoted to various aspects of the content of the law. The special attention is given to the purposes by authors of the law. The problem of authorship and time of pass of *lex Cincia* is examines in the article too. The basic attention is payed to the historical context of the law.

Key words: the history of Ancient Rome, Roman law, war with Hannibal, ancient tradition, luxury.

